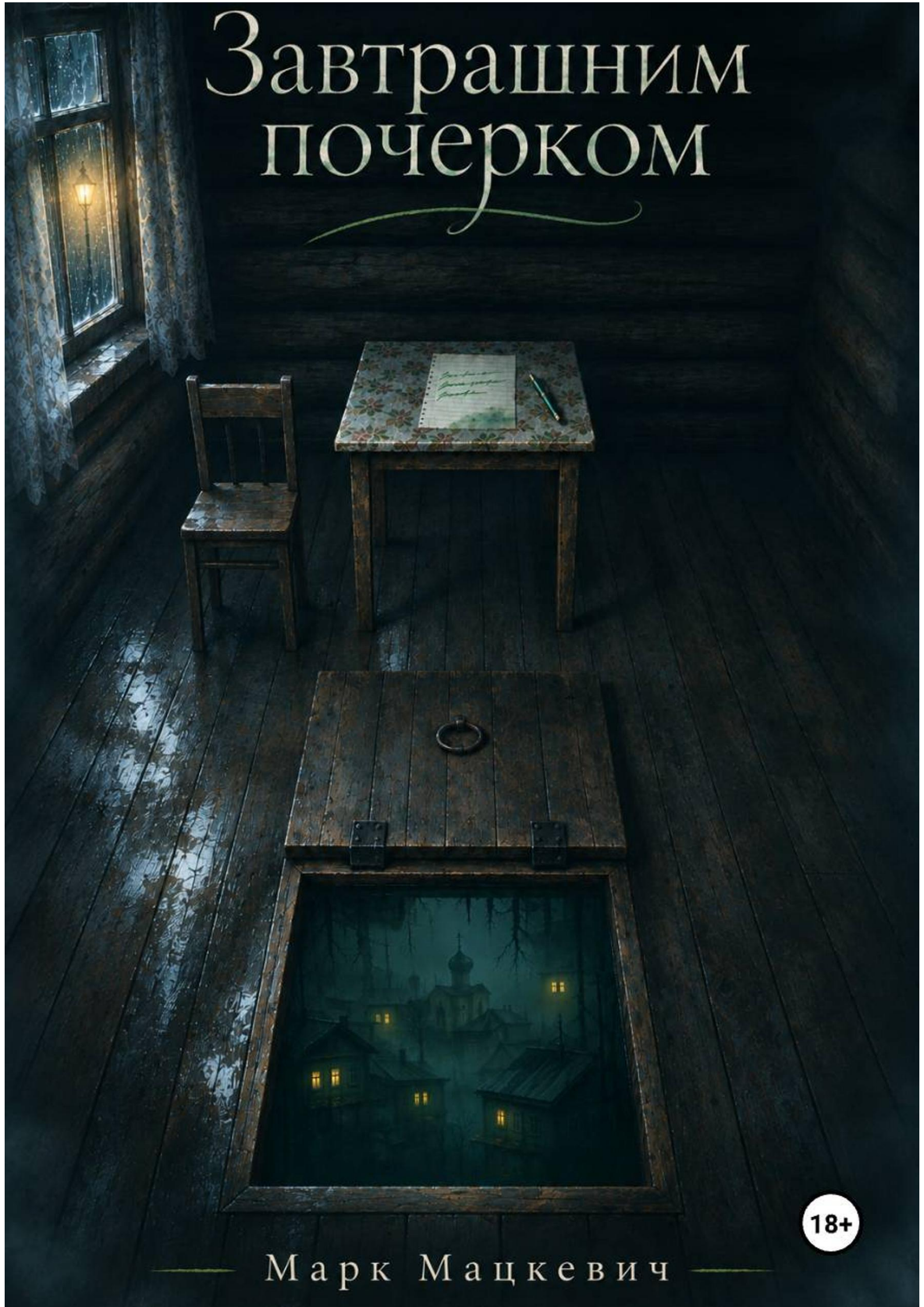
Завтрашним почерком

18+

Марк Мацкевич

Марк Мацкевич

Завтрашним почерком

«Автор»
2026

Мацкевич М.

Завтрашним почерком / М. Мацкевич — «Автор», 2026

Оценщица Вера Лазарева приезжает в городок под огромной плотиной, чтобы продать дом покойной бабушки и закрыть чужой долг. Утром на кухонном столе лежит мокрая записка, написанная её почерком. В ней сказано, какую фразу произнесёт незнакомый гидролог, и он её произносит.Записки приходят каждую ночь и не ошибаются. Они могут спасти жизнь или разрушить её, но молчат о главном. Разобраться Вере помогает Илья Ремизов: он третий год снимает уровень воды в три часа ночи, хорошо считает и смотрит прямо в глаза, когда врёт. А снизу, из подпола, стучат, и лестница там становится всё длиннее.Чтобы спасти город и человека, которого она не может простить, Вере придётся поверить единственному автору, которому нельзя верить: себе завтрашней.

© Мацкевич М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Марк Мацкевич
Завтрашним почерком

Глава 1

21 марта. Он скажет: «Оценщики приезжают, когда река уже всё оценила». Не смейся, он не шутит.

Дом стоил четыре миллиона двести, если продавать его летом и не водить покупателя в подпол.

Эту цифру я вывела ещё в поезде, по фотографиям нотариуса. Я люблю считать в поездах: за окном всё уезжает, а цифры остаются. В Лодейск я приехала двадцатого марта, в шестом часу вечера, с сумкой, ноутбуком и лазерной рулеткой, и до Посада шла пешком, потому что такси здесь по-прежнему вызывали через какую-то тётю Любу, а тёте Любе надо было звонить на домашний.

За двадцать семь лет Посад не стал ни лучше, ни хуже. Он стал дешевле. Улица всё так же сползала к реке, деревянные дома всё так же стояли к ней боком, будто не желая разговаривать, только половина окон теперь была заколочена, а на воротах висели объявления про откачку септиков. Лода лежала подо льдом, серая и широкая. А выше по долине, километрах в трёх, поперёк всего неба тянулся ровный земляной вал плотины, длинный, как край стола. За этим столом сидело водохранилище. Здесь его зовут Морем, без всякой иронии, и в детстве я думала, что море всегда так и устроено: стоит над тобой, и ты живёшь внизу.

Я готовилась к этой поездке примерно как к стоматологу. Решила, что ничего не почувствую, и всю дорогу в этом не сомневалась. На калитке оказалась та же щеколда с секретом, и моя рука сама подняла её снизу, чуть вбок, как не поднимала двадцать семь лет. Вот тут я и разозлилась. Неприятно, когда тело помнит то, чего ты у него не заказывала.

Веранда просела на угол и держалась на одной привычке, минус сто пятьдесят. Запах минус ещё столько же. Запах в отчёт не впишешь, но покупатель чует его раньше, чем снимет ботинки: мокрая известь, старая картошка и река, хотя до реки было сорок метров по огороду, и река стояла подо льдом. Итого три девятьсот.

И ещё на торцах брёвен у крыльца сквозь грязь проступала старая краска, цифрами: четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать. Так метят, когда дом разбирают и собирают на новом месте. В документах об этом не было ни слова, и в цену я это пока не вносила.

Я ещё стояла с фонариком у стены, когда за спиной скрипнула калитка.

— Верка, — сказал мужской голос. Не спросил, а установил.

Он был маленький, сухой, в ватнике и с кастрюлей, которую держал перед собой через полотенце, как держат что-то живое. За ним из темноты выглядывала девочка лет десяти, в шапке с оторванным помпоном.

— Вера Андреевна, — сказала я.

— Ага. — Старик оглядел меня, рулетку, фонарик. — Ефим я. Не помнишь. Ты мне гвоздём велосипед проколола, в девяносто восьмом. Нотариус сказала, приедет внучка продавать. На, суп.

— Спасибо, я не голодна.

— А это не тебе решать, — сказал Ефим и поставил кастрюлю на перила веранды, которые от этого заметно задумались. — Плита там работает, если пальцем вот так прижать. Газ я не перекрывал. Соня, пошли.

Девочка не пошла. Она смотрела на рулетку с красной точкой.

— Дед говорит, вы можете сказать, сколько что стоит, — сказала она.

— Могу.

— Всё?

— Всё, у чего есть покупатель.

— А я сколько стою?

— На детей нет рынка, — сказала я. — Это хорошая новость.

Соня подумала и кивнула, как человек, которому впервые ответили по существу.

— Дед сказал, вы за два дня управитесь и уедете.

— Дед прав.

Они ушли. Суп был с перловкой, горячий до самого дна, и я съела его стоя, из кастрюли, и это была первая еда за день. Думать о том, что мне это было приятно, я не стала.

В семь позвонили из банка. Они звонят в семь, когда человек уже дома и ещё не выпил. Милый девичий голос напомнил мне, что я, Вера Андреевна Лазарева, являюсь поручителем по кредиту общества «Кирилл и партнёры», которое перестало быть обществом и лишилось как Кирилла, так и партнёров, что сумма составляет два миллиона четыреста тысяч рублей и что до первого мая банк готов обсуждать варианты, а после первого мая будет обсуждать их суд. Я сказала, что продаю недвижимость. Голос искренне порадовался за меня.

Вот зачем я сюда приехала. Не за прошлым, не за корнями и не по какой-нибудь другой причине, которую можно рассказать подруге. Бабушка, с которой я не разговаривала с девяти лет, умерла в сентябре и оставила мне единственную вещь на свете, способную покрыть мою единственную глупость. Я называю это удачным стечением обстоятельств и стараюсь не называть никак иначе.

Спала я на её диване, в свитере.

В семь утра вышла на кухню поставить чайник и увидела на столе листок.

Вечером никакого листка здесь не было. Клеёнку под ноутбук я протёрла сама: на ней были крошки, которым на вид было года два. Теперь ноутбук стоял на месте, а рядом, прилипнув уголком к клеёнке, лежал узкий лист в линейку, влажный, как чек, забытый в кармане под дождём.

Я прочитала его, не беря в руки. Потом прочитала ещё раз и пошла проверять дверь.

Крючок был накинут изнутри. Окна в этом доме не открывали с тех пор, как их последний раз красили, и краска держала рамы лучше любых шпингалетов. На крыльце лежал ночной снег, а в нём мои вчерашние следы, уже оплывшие, одни, носками к двери. Я постояла там в носках, пока не замёрзла, и вернулась к столу.

Теперь про почерк. Десять лет я пишу пометки зелёной пастой, потому что красным пишут заказчики. Буква «т» у меня на трёх ножках, как в прописях, и за это снижали в школе. «Д» с хвостом вниз, крючком. Подпись мою банки с первого раза не принимают. На листе были и зелёная паста, и «т», и хвост. Дата стояла сегодняшняя. Нижний край расплылся бледным пятном, будто листок окунули в воду, а на обороте карандашом шли столбики цифр, мелко, чужой рукой.

У меня похолодели пальцы. Я заметила это как посторонний факт, вроде трещины в фундаменте: есть, надо учесть.

Я знала одного человека, способного расписаться за меня так, что я бы поверила. Но Кирилл сейчас был, по слухам, в Черногории, и подделывать ему ничего не пришлось. Договор поручительства я подписала сама. Этой самой рукой, на три ножки, и ещё улыбалась, пока подписывала.

Ручка лежала в сумке, а сумка у меня в ногах. Я проверила и это, потом убрала лист под сахарницу и заварила чай. Шутка стоила дорого: кто-то узнал мой почерк и приехал в Лодейск в марте. Мне было почти любопытно, кому я задолжала ещё и это. Почти, потому что чай я так и не допила, а руки всё никак не согревались о кружку.

В половине десятого я пошла мерить огород и нашла в нём мужчину.

Вернее, он стоял чуть ниже огорода, у самой кромки, там, где бабушкин забор сдался и лёг в снег. На льду у берега лежал бур, рядом с ним рейка с делениями, а сам он сидел на корточках над лункой и писал в блокнот голой рукой. Рука была красная. Перчатка торчала у него из зубов. Вдоль всего моего берега шли другие лунки, старые, затянутые серым льдом, штук двадцать, и это явно была не первая его неделя на моём заборе.

— Это частная территория, — сказала я.

Он вынул перчатку изо рта.

— Двадцать метров от воды — нет. Водный кодекс. Я бы показал статью, но у меня руки мокрые.

— Вы от кого?

— От реки, по большей части. Ремизов, гидролог. — Он посмотрел мимо меня на дом и на просевший угол веранды, и посмотрел так, как смотрю я сама, быстро и сверху вниз, без всякой вежливости к стенам. — А вы, значит, внучка Зои Павловны. Ефим говорил, приедет какая-то из Москвы продавать.

— Вера Лазарева. Я оценщик.

Лицо у него было длинное, небритое, со складкой между бровей. Такие дома покупатель сначала проходит мимо, а через неделю возвращается посмотреть ещё раз: некрашено, зато несущие на месте. Он снова опустил глаза в блокнот, записал что-то и сказал, не поднимая головы, ровным голосом, каким диктуют показания прибора:

— Оценщики приезжают, когда река уже всё оценила.

Я не засмеялась.

Мне и не хотелось. У меня вдруг заныли зубы, как от ледяной воды, и снег под ботинками стал очень отчётливым, каждая крупинка. Где-то на том берегу лаяла собака. Я смотрела на его красную руку и думала, что под сахарницей у меня лежит этот самый разговор, и впервые за много лет мне было по-настоящему страшно, без всякой причины, которую можно было бы посчитать.

— Кто вам это сказал? — спросила я.

Ремизов поднял голову.

— Что сказал?

— Эту фразу. Кто вас попросил мне её сказать?

— Никто не просил. — Складка между бровей стала глубже. — Я её только что придумал. Неудачно?

— Вы вчера были в доме?

— Я в этом доме был последний раз на поминках, ел кутью. Вам нехорошо?

Он встал. Роста в нём оказалось больше, чем я прикинула, и он так и остался стоять ниже меня по склону, не поднимаясь, как будто понимал, что подходить сейчас не надо. Я сказала, что мне хорошо. Сказала, что я не завтракала. Голос у меня вышел деловой, и я этому обрадовалась, как находке.

— Вы что здесь меряете? — спросила я.

— Сколько воды под этим льдом и как быстро её становится больше. В апреле напишу заключение для района. — Он кивнул на дом. — Ваш стоит на старом русле. Я бы на вашем месте поторопился с продажей. Или передумал. Я ещё не решил, что из этого вам советовать.

— А моя цена в вашем заключении будет?

— Цены не будет. Будет синяя линия на карте, и ваш дом окажется за ней. — Он подумал и добавил без всякого удовольствия: — Думаю, половина.

Половина от трёх девятисот. Это было меньше двух миллионов, а мне нужно было два четыреста. Я посчитала это быстрее, чем успела возненавидеть его, и успела всё равно.

— Вы всем так сообщаете? — спросила я.

— Обычно мне никто не приходит сказать, что я на частной территории.

Он натянул наконец перчатку, и я ушла, не прощаясь, по собственным следам, и только у крыльца заметила, что считаю шаги. Сорок два. Я не знаю, зачем мне это было нужно.

Весь день я мерила комнаты. Цифры вели себя прилично, рулетка не врала, и к вечеру я почти договорилась с собой: Ремизов сказал это первым кому-то другому, фраза ходит по городу, а записку подбросили ради спектакля. Что крючок был накинут, я пока отложила. В работе всегда есть строка, которую заполняешь последней.

Комната, где я жила до семи лет, оказалась кладовкой на восемь с половиной метров. В памяти она была больше. На косяке кто-то отмечал карандашом мой рост, и последняя чёрточка приходилась мне примерно по рёбра. Я измерила комнату, записала площадь и закрыла дверь аккуратнее, чем нужно.

Оставалось посмотреть подпол.

В детстве мне туда было нельзя. На люке в полу кухни, в двух шагах от стола, висел амбарный замок, и бабушка по вечерам проверяла его, подёргав, как другие проверяют газ. Больше она почти ничего не проверяла: я могла уйти на реку на весь день, и никто не спросил бы. Теперь замка не было, остались только петли. Я взялась за кольцо и поймала себя на том, что стою на краю, не наступая на крышку, в свои тридцать четыре года, с рулеткой. Мне стало смешно и немного стыдно.

Крышка поднималась с такой неохотой, будто её держали снизу. Из темноты пахнуло тем самым утренним запахом, только теперь без примесей. Я посветила телефоном. Лесенка уходила вниз на четыре ступени и на пятой кончалась, потому что дальше стояла вода, чёрная, совершенно спокойная, с белым пятном моего фонарика.

Минус ещё двести. Я оставила люк открытым, чтобы сфотографировать при лучшем свете, и тут заметила на гвозде над плитой бабушкину книжку, толстую, с верёвочкой вместо закладки. Я помнила её. Она всегда там висела, и я всегда думала, что это рецепты. Я сняла её и открыла. Узкие листы в линейку, столбики цифр карандашом, мелко, и никаких рецептов.

Я достала лист из-под сахарницы и положила рядом. Та же бумага, та же рука на обороте.

Мне сразу стало легче, честное слово. У шутки появился адрес: кто-то был в этом доме и брал бумагу отсюда. Кто-то, у кого есть ключ, а ключ в этом городе есть, наверное, у половины соседей. Оставался только почерк, и его можно было проверить. Я вырвала из книжки лист с самого конца, села за стол и зелёной пастой, не торопясь, своей обычной рукой переписала всё слово в слово, вместе с датой.

Я положила их рядом. Мой был только ярче, а так никакой разницы: те же три ножки, тот же крючок. Я смотрела на них довольно долго. Я хотела увидеть хоть что-нибудь неправильное, неуверенный нажим, чужой наклон, и не увидела, и от этого мне стало обидно, как будто меня обокрали на что-то, чего я никогда особенно не ценила. Потом я потянулась за телефоном, чтобы снять оба, и задела лист рукавом. Он съехал со стола, качнулся в воздухе, как все лёгкие вещи, которым некуда спешить, и лёг на чёрную воду в люке.

Лезть за ним я не стала. Старая тетрадная бумага, остаточная стоимость ноль. Я посмотрела, как он темнеет и уходит под ступеньку, опустила крышку и пошла спать. Уже из коридора мне показалось, что снизу стукнули, негромко и один раз, как костяшкой в дверь. Доска, решила я. Там, где стоит вода, всегда плавает какая-нибудь доска.

Утром на столе лежал второй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.